

УДК 811.161.1

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА
И В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ СЛОВА
(на материале региональной прессы 20–30-х годов XX века)**

© 2013 г.

Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова

Соликамский государственный педагогический институт

logunovaN@yandex.ru mazitova-larisa@rambler.ru

Поступила в редакцию 04.12.2013

Рассматриваются разнонаправленные процессы в лексико-семантической системе русского языка первых десятилетий советской власти на материале региональных газет.

Ключевые слова: семантическая структура слова, эмотивный компонент лексического значения, узуальное значение слова, естественная письменная речь, региональные СМИ.

Говоря о языковых явлениях в диахронии, чаще всего рассматривают фактический материал, относящийся к отдаленным историческим эпохам и достаточно протяженным временным отрезкам. В связи с этим речевой продукт советского периода практически не рассматривается в диахронии. Между тем известно, что лексический уровень языковой системы наиболее динамичен, и особенно в периоды исторических потрясений. Этими обстоятельствами и обусловлено наше обращение к лексико-семантическим изменениям в языке первых десятилетий советской власти. Источниками исследования послужили региональные печатные издания 20–30-х годов XX века, отражающие языковую ситуацию на Урале [1–4]¹. Значительная часть публикаций в этих газетах принадлежит не профессиональным журналистам, а так называемым «собкорам», и поэтому соответствующий фактический материал репрезентирует речевую культуру невысокого уровня и может быть квалифицирован как проявление «естественной письменной речи». Данный термин введен в научный оборот Н.Б. Лебедевой [5] и используется нами (с некоторыми уточнениями содержания понятия) при описании региональных рукописных источников XVIII–XIX вв. [6, 7].

Привлекаемые для анализа материалы отражают смену идеологических установок и культурной парадигмы, вызванную революционными переменами в жизни страны (о чем писали А.М. Селищев, Е.Д. Поливанов, В.М. Живов [8–10]). Это привело к необходимости не только номинировать новые реалии, но и отражать в языке изменения в системе ценностей, во мно-

гом связанные с отречением от традиционных для России культурных идеалов. Не последнюю роль в этом процессе сыграла сознательная установка новой власти на привлечение к активной социально-политической деятельности широких малообразованных (или вовсе необразованных) слоев населения.

Сам факт бурной динамики лексической системы в периоды существенных социальных перемен никаких сомнений не вызывает; при этом осуществляются два процесса – архаизация и неологизация, происходящие как в составе лексики, так и в структуре лексического значения. Особый интерес для исследователей представляют причины и пути лексико-семантических изменений. Именно такой подход, в частности, реализован в статье Н.В. Черемисиной, в которой автор настаивает на наличии таких, например, закономерностей, как расширение и сужение семантики, изменение эмотивного компонента лексического значения. При этом она отмечает, что «коннотативно-семантические сдвиги по эмоционально-оценочному контрасту» обусловлены динамикой социально-политических оценок. «В период бурных революционных преобразований общества эмотивные переоценки, как правило, весьма динамичны, неустойчивы, недолговечны. Многие улучшения-ухудшения имеют в диахронии языка «челночный» характер, то есть исторически «движение» оценки может быть направлено то в одну, то в другую, противоположную, сторону в зависимости от смены политических ориентаций, веяний и оценок» [11, с. 186].

Для выявления лексико-семантических изменений, отраженных в изучаемых источниках, нами привлекались как словари, фиксирующие

¹ При цитировании в статье фактического материала сохраняется орфография и пунктуация первоисточника.

дореволюционное состояние лексики русского языка [12–14], так и лексикографические источники, созданные практически в одно время с изучаемыми материалами [15, 16]. При этом принималось во внимание наличие/отсутствие лексемы в том или ином словаре, а также характер помет («нов.», «устар.», «истор.», «неодобр./неодобрит.»). В ряде случаев при анализе направления семантических изменений возникала необходимость в обращении к словарям, составленным в более поздний период [17, 18].

В анализируемых источниках новые лексико-семантические явления безусловно преобладают над устаревающими. Объективно это обусловлено тем, что факт устаревания лексемы (или ее значения) фиксируется в языковом материале ограниченно, лишь в случае незавершенности процесса ее перехода в пассивный запас. Окончательно устаревшие лексемы могут анализироваться только с опорой на словари, а не на речевой продукт изучаемого периода. Тем не менее в исследуемых нами текстах содержится некоторое количество лексем, имеющих в словарях Ушакова и Ожегова помету «устар.». Так, например, употребленное в газете «Колхозник» существительное **прасол** (*Раньше Колупаев был заядлым меновщиком и прасолом. Его излюбленное занятие – купить и продать или променять лошадь* [2, № 54, 26.04.1930]) сходно квалифицируемое в названных словарях: ‘торговец, скупающий оптом рыбу, мясо, а также торговец скотом’ [15]; ‘оптовый скупщик скота и разных припасов (обычно мяса, рыбы) для перепродажи’ [16, с. 512], сопровождается в них пометой «устар.». В газете «Смычка» встретилось существительное **бражница** (*Со своими же, близкими, Мальшуков наоборот ласков. Жену свою поставил кассиршей, а приказчицей – знакомую ему бражницу, только что прибывшую из Кизела, с принудительных работ* [4, № 153, 28.12.1926]), отсутствующее в словарях, но при этом эквивалентное по значению лексеме **бражник**: ‘гуляка, пьяница (устар.)’ [15; 16, с. 54]. Подобные случаи можно квалифицировать как процесс ухода слова из активного словарного состава. Вместе с тем возможно устаревание и отдельного значения у лексемы, сохраняющейся в активном словарном запасе, что в наших материалах демонстрирует употребление слова **долгий** в значении ‘длинный’ (*Приметы брата: чернобр, в шубе, валенки серые, долги, шапка с ушами* [4, № 151, 23.12.1926]). Данное значение в словарях Ушакова и Ожегова квалифицируется как устаревшее [15; 16, с. 154]. Сходным с устареванием значения слова представляется процесс сужения

его сочетаемости. Это можно наблюдать на примере существительного **зруда** (*Потому что совет оторвался от избирателей, мы и видим в нем целую зрудю непорядков* [4, № 151, 23.12.1926]).

Наши материалы отражают процесс пополнения лексической системы новыми словами – это единицы, не зафиксированные ни в одном из дореволюционных словарей [12–14], но отмеченные в словарях Ушакова и Ожегова (иногда с пометой «нов.»), в частности: *избач, кооперация, курсант, ликвидатор* [15; 16, с. 213, 260, 278, 286] и др. В отношении последней лексемы следует отметить, что ее значение дается в словарях в самом широком смысле: ‘человек, занимающийся ликвидацией чего-н.’ [15]. Очевидно, что это слово в разные эпохи может приобретать более частные ситуативные оттенки значения, что свидетельствует об изменении у него селективного компонента лексического значения. В частности, в газетах 20-х гг. данная лексема употребляется для обозначения лиц, занимающихся ликвидацией неграмотности (*Во первых – ликвидаторы (учителя) назначались такие, что самих бы не мешало пропустить через школу ликбезграмотности* [4, № 144, 14.12.1926]); для современного же человека данная номинация вызывает ассоциации с ликвидацией техногенных катастроф, и прежде всего – аварии 1986 года на Чернобыльской АЭС. Заметим, что все новые лексемы обозначают явления, возникшие в постреволюционных социально-политических условиях.

Самая значительная часть извлеченного из региональной прессы фактического материала демонстрирует изменения в семантической структуре слова. Факт семантического сдвига может быть установлен на основании того, что семантика той или иной лексемы в речевом узусе 20–30-х годов расходится с дефинициями дореволюционных словарей. При этом сопоставление материалов словарей Ушакова и Ожегова позволяет наблюдать разнонаправленность семантических процессов. Так, например, у ряда лексем в словаре Ушакова не фиксируются те значения, в которых они фактически употребляются в материалах газет 20–30-х гг., а в словаре Ожегова эти значения уже отмечаются:

Линия (*... в нынешнем году ОблКК взяла линию на усиление воспитательной работы* [4, № 148, 18.12.1926]) – ‘Направление, образ действий, взглядов’ [16, с. 287];

Ударить (*Ударим по прогулам!* [1, № 60, 27.04.1930]) – ‘Пресечь (что-н. отрицательное, чьи-н. отрицательные действия)’ [15; 16, с. 733];

Сознательный (Два потока людей польются в рождество по весело хрустящему снегу. Одна часть в церкви – под колокольный звон, слушать гнусавое пение д'ячков и попов, другая часть – в рабочие клубы организованно и с пользой провести досуг. <...> Чем же встретят наши клубы наиболее **сознательную** часть населения [4, № 152, 25.12.1926]) – 'Правильно оценивающий, вполне понимающий окружающее' [16, с. 662]. В очевидной корреляции с данным значением находится и смысл слова **несознательный** (Чертков пошел в самую гуцу **несознательных**, малокультурных рабочих татаро-башкир, припер им водки и прочего хмельного питья, напоил их в стельку и победа была на его стороне [4, № 153, 28.12.1926]). По сравнению с употреблением в предшествующие эпохи слово приобрело идеологически маркированную оценочность.

Значение же слова **принять** 'Прослушать, записать сообщение, сигнал, звук, передаваемый по радио, телефону, телеграфу' (...**принимают** – по радио – новости со всего света, лекции, доклады и музыку [4, № 146, 16.12.1926]) приводится лишь в современных словарях [17, с. 429; 18].

Подобные случаи можно расценивать как незавершенность процесса формирования нового значения.

В наших материалах встречаются факты, когда оттенок значения, в котором слово употреблено в контексте («Денег нет у нас» отвечает заводоуправление и начинает выдавать **ордера** на забор товаров в своем складе [4, № 144, 14.12.1926]), осознаваемый Ушаковым как актуальный (о чем свидетельствуют пометы) – 'Документ на выдачу нормированных предметов широкого потребления и продовольственных продуктов (нов. истор.)' [15], в словаре Ожегова уже не отмечается.

Изменение коннотативно-оценочного компонента значения, о котором говорит Н.В. Черемисина, в наших материалах можно наблюдать на примере слов **зажиточный** (Чуть у кого позажиточнее родители, тому и учебничек новехонький и обращеньице совсем другое, не то, что с каким нибудь «сопляком». Потому с «сопляков» то что возьмешь? А у **зажиточных** и чайку можно попить и кое о чем поговорить и вообще... словом какое тут может быть сравнение. ...Неужели вы совершенно не обладаете чутьем – ведь **зажиточные** то всегда имеют возможность купить все это, если и будет нехватка, а где же взять бедняку? [4, № 145, 15.12.1926]) и **вольный** (В столовой – прислуга состоит из **вольной** пуб-

лики, а безработным и голодающим женам красноармейцев работы нет. Над последними еще издеваются. Жена убитого белыми коммунара, просилась на место официантки, а ей предложили место в швейной мастерской, шить, чего она работать не умеет и от чего вынуждена была отказаться. Официанткой же была принята «**вольная**» по рекомендации... [4, № 144, 14.12.1926]). Приведенные контексты позволяют обнаружить у выделенных слов отрицательную коннотацию, не отмечаемую ни одним из привлеченных нами словарей. Негативная оценка опирается на внутритекстовые противопоставления **зажиточный** – **бедняк**; **вольный** – **жена красноармейца**, **жена убитого белыми коммунара**. Новые коннотации порождаются системой постреволюционных социально-политических установок.

Достаточно большое количество лексем в наших материалах обнаруживает новые значения, что подтверждается словарями и Ушакова, и Ожегова:

Общественный (Ежегодно молодежь деревни идет в Красную армию. Там учится не только держать винтовку в руках, но и приобретает знания **общественного** работника [4, № 15146, 16.12.1926]) – 'Относящийся к работе, деятельности по добровольному обслуживанию политических, культурных, профессиональных нужд коллектива' [16, с. 386], а также [15];

Кумовство (Здесь ярко цветет **кумовство** и протекционизм [4, № 144, 14.12.1926]) – 'Предпочтение или поправки по службе, оказываемые по личной дружбе (неодобрит.)' [15], а также [16, с. 276];

Белые (Жена убитого **белыми** коммунара [4, № 144, 14.12.1926]) – 'То же, что белогвардеец' [16, с. 42], а также [15];

Товарищ (От редакции — этот факт указывает не только один **тов.** «Тутошний», но и другие **товарищи** [4, № 153, 28.12.1926]) – 'При фамилии или звании человека своей (партийной, советской) среды (на письме обычно обозначается сокращенно "тов." или "т."; нов.)' [15]; а также [16, с. 710] и многие другие, в частности **общественник** (Демобилизованный красноармеец должен быть передовым **общественником** в деревне [4, № 146, 16.12.1926]); **подтянуться** (Подтянуться надо товарищи [3, № 141, 12.12.1925]);

тормозить (Вместо помощи, **тормозят** работу [3, № 142, 15.12.1925]); **строительство**, **строитель** (...происходили так же и беседы по различным вопросам хозяйства и Советского **строительства** [3, № 142, 15.12.1925]; **Встряхнитесь-ка**, **товарищи**-

красноармейцы, вспомните заветы Красной армии, – ведь деревня надеется на вас, как на передовых строителей новой жизни, ждет и работы и советов и разъяснений [4, № 146, 16.12.1926]); **постановка** (В целях лучшей постановки отдыха и веселья Усввинские рабочие клубы (копейский и лесничества) купили себе по двухрядной гармонии заплатив за них 55 и 45 руб. [4, № 151, 23.12.1926]).

Регистрация новых значений обоими словарями, как и в приведенных выше примерах, свидетельствует о том, что зафиксированные значения сформировались и закрепились в языковой системе и, более того, оказались устойчивыми. Актуальностью новой семантики части из приведенных выше лексем объясняется их употребление в составе речевых штампов советской эпохи: *социалистическое строительство, строители коммунизма, общественный контроль, активный общественник, постановка дела подготовки кадров* и под.

Несмотря на разнообразие выявленных лексико-семантических изменений – появление новых лексем и сдвиги в семантике, состоящие в развитии нового значения, в изменении селективного или эмотивно-оценочного компонента, – все они отражают идеологически ориентированную систему координат, сформированную в рамках социально-культурной парадигмы советской эпохи. Привлеченные к анализу материалы региональной прессы демонстрируют речевой узус населения с невысоким уровнем культурно-речевых компетенций, что нашло отражение в процитированных контекстах, хотя данный аспект не входил в задачи описания в статье. Можно утверждать, что именно такая социальная среда является наиболее благоприятной почвой для некритичного и безоговорочного усвоения любой новой идеологии, которая становится для представителей этой среды не только основой их речевого поведения, но и мировоззрения в целом.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 12-14-59008а

Список литературы

1. «Голос Рабочего», массовая газета Свердловских Окружкома ВКП (б), Окрисполкома и Уралпрофсовета, 1930 г.
2. «Колхозник», крестьянская газета Пермских ОК ВКП (б) и ОкрИК'а, 1930 г.

3. «Смычка», рабоче-крестьянская газета, орган Верхне-Камского Окружного Комитета Р.К.П., Окрисполкома и Окрпрофбюро, г. Усолье, 1925 г.

4. «Смычка», рабочая газета, орган Верхнекамского Окружкома ВКП (б), Окрисполкома, Окрпрофбюро, г. Усолье, 1926 г.

5. Лебедева Н.Б. Естественная письменная речь: основные понятия и аспекты изучения // Письменная культура народов России: Материалы Всероссийской научной конференции 19–21 ноября 2008 г. / Под ред. Б.И. Осипова. Омск: Омск. гос. ун-т, 2008. С. 12–18.

6. Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. О понятии «естественная письменная речь» и перспективах ее изучения // Материалы Международной научной конференции «Проблемы динамической лингвистики», посвященной 80-летию профессора Л. Н. Мурзина, 12-14 мая 2010 года; ПГУ, Пермь. С. 395–401.

7. Речевое пространство Северного Прикамья в синхронии и диахронии: монография / Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова, Л.М. Пантелева, М.В. Толстикова; науч. ред. Л.Л. Мазитова. Соликамск: СГПИ, 2011. 262 с.

8. Селищев А.М. Выразительность и образность языка революционной эпохи // А.М. Селищев. Избранные труды. М.: Просвещение, 1968. С. 147–158.

9. Поливанов Е.Д. Революция и литературные языки Союза ССР [Электронный ресурс] // Е.Д. Поливанов. За марксистское языкознание. М.: Федерация, 1931. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/polivan/poliv4.htm> (дата обращения 22.08.2013).

10. Живов В.М. Язык и революция. Размышления над старой книгой А. М. Селищева [Электронный ресурс] / В.М. Живов. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/yazyk-i-revoluciya-razmyshleniya-nad-staroy-knigoy-a-m-selishcheva> (дата обращения 22.08.2013).

11. Черемисина Н.В. О путях изменения значений слов и некоторых лексико-семантических законах в диахронии языка // Семантические единицы русского языка в диахронии и синхронии: Сб. научн. тр. / Калинингр. ун-т. Калининград, 2000. С. 175–192.

12. Словарь Академии Российской. Ч. I–VI. СПб., 1789–1794 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://it-claim.ru/Projects/ESAR/SAR/PDF/SAR/Framesetpdf.htm> (дата обращения 22.08.2013).

13. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. – СПб., 1847 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=dict1847> (дата обращения 22.08.2013).

14. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. М. Русский язык, 1981.

15. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940. / Д.Н. Ушаков [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ushdict.narod.ru/index.htm> (дата обращения 21.08.2013).

16. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1983.

17. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988.

18. Толковый словарь Кузнецова [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kuznetsov-dictionary.info> (дата обращения 21.08.2013).

**THE HISTORICAL PROCESS IN RUSSIAN LANGUAGE AND VOCABULARY
IN THE SEMANTIC STRUCTURE OF THE WORD
(based on regional press 20–30-ies of XX century)**

N.V. Logunova, L.L. Mazitova

The authors describe different processes in the lexical-semantic system of the Russian language of the first decades of Soviet power vis-a-vis the material of regional newspapers.

Keywords: the semantic structure of a word, the emotive component of lexical meaning, the common usage of a word, natural written speech, regional press.